№ 17 (37)
2019

История края
Прототипы героев Чехова из Воскресенска
4

Интервью с чемпионом мира по боксу
Клементе Руссо
16

Женское дело в Истре
20

истра·рф

12+

скульптор
Сергей Казанцев

Дети скульптора

беседовала
Екатерина Харитонова

Частный парк скульптора Сергея Казанцева виден с дороги — вокруг нет привычного подмосковного двухметрового забора из профнастила. На территории — деревья, скульптуры и ни на что не похожий дом-галерея, возле которого меня встречает Елена Казанцева — дочь скульптора.

Знакомство начинаем с экскурсии: вот мастерская, это редкий каррарский мрамор — с таким же работал Микеланджело, а тут — гуси, утки, куры и коза. Участок в деревне Борзые Сергей Сергеевич вместе со своей женой Натальей Михайловной получил в 1990-е годы — переехали сюда из соседней деревни Лобаново с тремя дочерями. Постепенно построили дом, мастерскую, начали осваивать соседние участки — здесь сегодня и располагается знаменитая экспозиция произведений Сергея Казанцева. Елена извиняется за обледенелые мартовские дорожки и обещает: скоро эта территория, почти 2 гектара частной земли, станет настоящим парком с соответствующим благоустройством — нужно только утрясти юридические вопросы с администрацией. Хотя и сейчас на изваяния приезжают посмотреть со всего Подмосковья: экскурсия и тёплый прием гарантированы, если о визите предупредить заранее. Сергей Сергеевич, оторвавшись от работы, встречает меня шуткой, видимо, о наболевшем: «В Египте работали каменотёсы, и на сто каменотёсов полагались два палача: если сантиметр камня не так отсёк — голову отрубали, и все дела». Говорить мы будем не только о деле, но и о семье, хотя эти два понятия у Казанцевых связаны тесно. Вместе со своими дочерями, Марией и Еленой, Сергей Сергеевич сделал не один проект: например, их общий семейный знак «СМЕК» высечен на постаменте памятника Ивану Тургеневу, открытого в прошлом году президентом РФ Владимиром Путиным рядом с домом-музеем на Остоженке. Помогает в семейном деле и внучка Ярослава (для домашних — Яся): будущий искусствовед вместе с Еленой занимается архивами, ведёт сайт. Садимся пить чай: об искусстве, искусстве семьи и искусстве в семье рассказывают народный художник России, скульптор Сергей Казанцев, его дочери Мария и Елена, а также внучка, дочь Марии — Ярослава.

«Говорить мы будем не только о деле, но и о семье, хотя эти два понятия у Казанцевых связаны тесно. Вместе со своими дочерями, Марией и Еленой, Сергей Сергеевич сделал не один проект...»

С чего всё началось? Как появилась семья скульптора Казанцева?

Сергей Казанцев: Однажды на выставке шедевров портретной живописи в музее имени Пушкина я увидел «портрет» не менее значительный. Думаю: надо познакомиться с девушкой. Я как раз заканчивал пятый курс, портреты делал моментом. Пошел её искать: человек с таким лицом обязательно пойдёт к импрессио-

большое интервью

нистам. Действительно, из пустых залов входит она. Около Давида Микеланджело я подошёл к Наталье, обменялись телефонами. Через недели две сделал портрет, она его увидела и начала ко мне присматриваться с интересом.

Елена: Раньше мама вела все папины дела, но здоровье уже не то... Делами занимаемся теперь мы втроём, и то не справляемся. Яся мне по архивам помогает, вместе сайт сделали. Такой семейный подряд.

Сергей Казанцев: Всем выпускникам-суриковцам рекомендую ходить в Пушкинский музей—обращать внимание на девушек, которые там ходят. Ведь самые близкие художнику люди должны быть преданы изобразительным искусствам. Общий огонь помогает преодолеть многие сложности. С самого начала внутри семьи формируется особая художественная среда, и мои дети рисовали с малолетства. Ради помещения я вёл изостудию при ЖЭКе, своих дочек приводил, конечно. Вот такая у них нелёгкая судьба.

Мария: Вариантов никаких: всё время приходится рисовать.

Сергей Казанцев: Важно, чтобы двое, муж и жена, смотрели в одну сторону, чтобы их привлекали одинаковые идеалы, тогда жизнь для художника будет великолепна: не надо объяснять, что за пустяками он там занимается. Ведь со стороны кажется именно так. А если близкие увлечены не меньше, то всё хорошо.

На истринской земле мы появились в 1973 году: у Натальи в Лобанове была часть дома, куда мы попали после свадьбы. Места, воспетые Чеховым, Левитаном, оказались столь же интересными и для художника Казанцева.

Чувствовали когда-нибудь, что ваша семья особенная, семья художника?

Ярослава: Искусство меня окружало всегда, мне казалось, так и должно быть. В детстве лазила по скульптурам, было весело. Казалось, так у всех, это нормально. А ценить всё это начала, когда повзрослела, с возрастом пришло понимание.

Елена: Да, в детстве думаешь, так все живут: галереи, большие пространства, скульптуры. Но, оказывается, у остальных по-другому.

Мария: Я выросла в искусстве, училась с детьми многих художников в МСХШ, художественной школе при институте Сурикова, поэтому выставки, театры—всё это для меня было органично. Сейчас я рада тому, что могу рисовать—это даёт мне заряд бодрости и позитивно-

го настроения. А с выпускниками МСХШ до сих пор отношения очень семейные.

Большую роль в творчестве Сергея Сергеевича играют женские образы, среди скульптур мы видим множество обнажённых фигур. В детстве Вас это не смущало?

Елена: Моих одноклассников смущало: приходили, хохотали. А нас нет, настолько это органично. Раньше многие гости обращали внимание, что фигуры голые. Сейчас меньше: последние пять лет у людей не возникает таких вопросов.

С малолетства вас окружают художники, искусство. Было ли желание вырваться из привычной среды — например, в подростковом возрасте?

Мария: В 17-18 лет я об этом мечтала... Кризис длился долго: рисовать совсем не хотелось. Думала, в любой другой области будет комфортнее, готова была чем угодно заниматься, только не рисовать. Но всё равно вернулась к этому в какой-то момент.

У Ярославы сейчас примерно такой возраст.

Ярослава: А я и не рисую... Так, иногда. Изначально хотела поступать в архитектурный, но затем поняла, что разбираться в этом как искусствоведу мне гораздо интересней.

«Всем выпускникам-суриковцам рекомендую ходить в Пушкинский музей — обращать внимание на девушек, которые там ходят. Ведь самые близкие художнику люди должны быть преданы изобразительным искусствам»

Зато Елена выбрала свой путь и поступила на биологический факультет МГУ. Это был бунт?

Елена: Когда тебе 17, ты не понимаешь, что тебе интересно. Я тогда хотела поступать на психологический факультет, а там надо было сдавать биологию. Мы вместе с репетитором зарисовывали разные объекты. Мне понравилось именно рисовать, разбираться в системах — графически всё очень наглядно. Отчасти из-за этого ушла на биофак. Во время практики на Белом море мы много рисовали: например, каких-нибудь голожаберных моллюсков — мне кажется это фантастически красивым! Биология позволила больше увидеть и узнать об этом мире, но всё равно я тесно связана с изобразительными искусствами.

Сергей Казанцев: Красота была двигателем изучения биологии. Красотой пронизано всё пространство — в моей мастерской, в моей семье. Это двигатель моих дочерей, моего творчества. Но она, к сожалению, сейчас не востребована. Поэтому я уехал в деревню, живу здесь 40 лет, создаю парк.

Давила ли когда-нибудь на вас слава отца?

Елена: Внимание в школе было особенное. Все почему-то думали, что я дочка архитектора...

Ярослава: Мне тоже почему-то говорят, что я внучка архитектора.

Сергей Казанцев: Архитектура — занятие более понятное и уважительное у людей, далёких от мира искусства. А художник — это такой придурок... (*Смеётся.*)

Ярослава: Я почти не говорю никому... Только близкие знают.

Сергей Казанцев: Вот, разумные люди просто молчат, чтоб не компрометировать себя.

Ярослава: Не из-за этого. Боюсь показаться, что я как-то...

Сергей Казанцев: Выпендриваешься?

Ярослава: Да, выпендриваюсь. Зато друзья в полном восторге от дома!

Елена: Я одно время в визитке писала: «Дочь народного художника России». Папа всё время спрашивал: зачем? Как будто «дочь скульптора» — это моя должность... или клинический диагноз. (*Смеётся.*)

А что значит быть дочерью скульптора?

Елена: Дочь скульптора может передвигать предметы любой тяжести на любые расстояния.

Мария: Когда предлагают помочь с тяжестями, я отвечаю: мы же дочки скульптора, мы привыкли мраморные скульптуры носить с самого детства.

Елена: Да, знаем, как это делать. Подумаешь, комод подвинуть — это же не 3 тонны!

Сергей Казанцев: Этот парк затевался для моих дочерей, которые должны выходить с территории и попадать в цивилизованный мир, но, к сожалению, цивилизованного мира пока не случилось — везде заборы. Помню, Алёне было пять лет, мы только сюда переехали, начали дом строить, она пошла знакомиться с соседями, и в первый же вечер местный пацан дал ей в лицо кулаком. Для неё это было явлением необыкновенным, она не представляла, что так можно вообще... Парк — возможность создать атмосферу красоты для окружающих, ведь красота — то, ради чего Всевышний сотворил человека. Сейчас человечество всеми силами пытается найти способ побыстрее уничтожить соседа по планете, а художник — единственный, кто противостоит этому своей жизнью, создаёт среду, в которой человек чувствует себя частью красоты и перестаёт совершать гнусности.

Вы сотворили свою уникальную среду. Люди вокруг меняются в лучшую сторону?

Сергей Казанцев: Люди, которые сюда попадают даже случайно, безусловно—они возвращаются, привозят своих знакомых, это радует. Многие не верят, что у нас в России может быть такая красота: моя колоннада из 40 античных колонн, стоящих по периметру не ограждённого пространства, впечатляет. Греки не зря делали колонны с каннелюрами: они создают центробежную силу наверх—ко Всевышнему. Этот поток хорошо чувствуется: пространство преображается, выход к космосу становится более звучным, осязаемым. Конечно, влияние есть. А соседи есть соседи... По крайней мере, они не ломают мои скульптуры, это о многом говорит. Местные жители удивляются труду художника: с шести утра и до темноты. Но, может, кто-то и пример берёт. Художник общается со Всевышним, когда занимается искусством: через меня Господь влияет на людей, я-то влиять слабоват.

Каково Ваше видение парка?

Сергей Казанцев: Ещё в Советском Союзе мы регулярно посещали международные симпозиумы художников, выезжали куда-нибудь, например, в Прибалтику, и видели: люди живут без заборов, стоят скульптуры. Примерно такая же идеальная модель существовала в моей голове, когда я закончил Суриковку.

Мария: Есть желание обратиться к ландшафтному дизайну. Меня вдохновило, как оформлены парки в Европе, в том числе в Париже: скульптура и пространство дополняют друг друга. Пока здесь только скульптуры, но в будущем появятся растения, дорожки, детский центр искусств—люди будут насыщать это место энергетически.

Сергей Казанцев: Ландшафт, созданный Богом, звучит сам по себе, но скульптура, если она талантливо сделана—это камертон, ключ к музыке пространства. Природа создаётся Всевышним, скульптура—человеком.

Елена: Здесь появится детский центр искусств, будем проводить мастер-классы. Маша—потрясающий художник, давно работает с детьми. Яся профессионально занимается лошадьми. У меня—биологический и фотокружок, танцы.

Ярослава: Ничего, сейчас ещё подрастут помощники.

Елена: У папы три дочери и семь внуков!

Сергей Казанцев: Нужно не искать, где лучше—нужно созидать вокруг себя идеальное пространство, в котором мечтаешь жить и работать. Я создаю мир, и хочу, чтобы люди им пользовались, но чиновникам это не очень понятно...

Вы не только создаёте парк, но и работаете вместе над скульптурами. Творческих споров в семье не возникает?

Мария: Папа у нас авторитет.

Елена: А мы на подхвате.

Сергей Казанцев: Мы создаём красоту—споров здесь быть не может. Споры возникают, например, в современном искусстве, где помимо красоты ставятся дополнительные проблемы. А какие могут быть споры с Боттичелли или Леонардо да Винчи: просто любуйся.

Откуда приходит вдохновение?

Мария: «Аппетит приходит во время еды». Вдохновение появляется по нарастающей—главное, заставить себя сесть и начать. Это самый важный момент, по крайней мере, для меня.

Сергей Казанцев: Появляется импульс приобщиться к красоте с помощью искусства.

Елена: Меня вдохновляет результат, который я получу.

Сергей Казанцев: Результат воздействия красоты на реальность. Колонна появилась, мир поменялся, и ты понимаешь, что был прав.

Елена: Это правда. Например, когда я начала делать сайт, до конца не понимала, зачем он нужен. Зато когда на приёме в Министерстве имущественных отношений я показывала фотографии, мне сказали, что всё уже видели на сайте. И я подумала—есть! Результат видишь, и это вдохновляет.

Какая работа самая любимая?

Сергей Казанцев: Я уже лет 20-30 мечтал повторить «Троицу» Андрея Рублёва. Сейчас я её как раз делаю в граните. Подлинник иконы находится в 200 метрах от моей московской мастерской в Лаврушинском переулке—в Третьяковской галерее. Я туда часто хожу. Когда начал делать копию, понял, что в произведении есть то, чем насыщено итальянское Возрождение: увидел фрагменты, которые могут быть только у Боттичелли или да Винчи—трактовка колена, складки ткани... Удивительно! Но откуда? Искусствоведы пока об этом не говорят, они ведь копию не делали...

«Художник общается со Всевышним, когда занимается искусством: через меня Господь влияет на людей, я-то влиять слабоват»

Какие ещё интересные открытия вы сделали?

Сергей Казанцев: Скульптуры продолжают меняться в течение всей своей жизни. Это колоссальное открытие! Мы даже не догадываемся, как формируется произведение искусства... Например, поставили где-нибудь памятник, он никому не нравится, но проходят

10 ноября 2018 года Владимир Путин торжественно открыл памятник И. С. Тургеневу в Москве на Остоженке. Президент в беседе с автором скульптуры Сергеем Казанцевым отметил профессионализм и красоту композиции, поблагодарил скульптора за проделанную работу. Фото: Елена Казанцева

годы, и Господь вмешивается, делает скульптуру приятной людям. Я так считаю... Хотя, может, дело в привычке. Но я по своим работам знаю: закончил скульптуру, а через 3-4 года это совсем другая уже работа.

Мария: Для меня невероятна работа с камнем: я трогаю, присматриваюсь, но не могу понять, как можно сделать такую красоту из мрамора. Мне кажется, я не встречала скульпторов, подобных отцу. Образы, воплощённые им в мраморе, я нигде больше не видела... Может, только у Микеланджело. Это для меня открытие.

Сергей Казанцев: Камень — это то, что создал Всевышний. Ты прикасаешься к мрамору, видишь заложенную внутри него пластику — и начинаешь участвовать в создании Всевышнего. И уже не ты автор, а вы двое...

Мария: Это только папа способен сделать.

Ярослава: Я тоже восхищаюсь работой с камнем. Мне, например, довольно сложно придумать что-то самой, поэтому дедушкины работы для меня — фантастика!

Елена: В плане открытий я бы хотела рассказать о житейской мудрости отца — человека с огромным жизненным и творческим опытом. Он работает в информационных слоях, недоступных многим... Например, отец живёт в доме без бетонной стяжки, иначе начинает болеть сердце. Он называет это связью с землёй... Или вот, завёл козу. Теперь определительный признак дочери скульптора — уметь доить козу. Благодаря отцовским жизненным тяготениям у нас есть своё хозяйство, свой огород: нам известно, как сажать, ухаживать за животными, делать квас из берёзового сока. Мы перенимаем отцовские привычки, впитываем его мудрость.

Есть ощущение породы? Чем похожи между собой Казанцевы?

Елена: Люди, когда видят нас со стороны, говорят, мы очень похожи, улыбками.

Мария: Есть определённая харизма, это связано со средой, в которой мы выросли, с тем, что в нас вложили родители. Это общее присутствует во всех нас. Многие мои знакомые не из мира искусства говорят: какая-то ты странная — не куришь, не пьёшь, но всегда весёлая. Они не понимают, что можно получать удовольствие от искусства.

Сергей Казанцев: Порода есть порода, но и духовная среда значит многое. ●

Елена Казанцева, референт-помощник, младшая дочь скульптора Сергея Казанцева

Анекдот такой. Учёные взяли таракана, оторвали ему лапу, и крикнули: «Беги!» Он побежал. Оторвали вторую лапу, крикнули «беги», он побежал. Оторвали третью — побежал. Оторвали четвёртую, а таракан не бежит. Из чего учёные сделали вывод: «При потере конечностей таракан теряет слух». Мне было лет 17, когда я услышала от репетитора по биологии этот анекдот: показалось очень смешным, что учёные такие дурачки. Но со временем, отучившись на биофаке и получив степень, убедилась: многие опыты именно так и проводятся.

Алёна Максимова, руководитель фехтовальных клубов FLASH

Да, у меня есть любимый анекдот — это из разряда профессионального юмора. Муж говорит жене: «Дорогая, хотел тебе сковородку купить к празднику, но потом вспомнил, что холодное оружие не дарят». Мне кажется, это очень актуально для наших фехтовальщиц — актуально и смешно.

Руслан Горб, гендиректор ООО «Технологичные перевозки» и основатель проекта TRANSBAZA

Я расскажу не анекдот, а реальную историю, которую мне поведал мой друг Сергей Колиякин, сооснователь проекта TRANSBAZA. Сергей в свое время много ездил по джунглям Камбоджи: там российские предприниматели занимаются заготовкой древесины ценных пород. Так вот, один из таких бизнесменов заметил: камбоджийские рабочие мрут, что называется, как мухи, из-за постоянных укусов ядовитых змей, ведь ноги у работяг не были никак специально защищены. Тогда бизнесмен заказал партию резиновых сапог из России-матушки. Обновку трудягам раздали, но статистика по смертности по-прежнему ужасала. Тогда предприниматель поехал лично посмотреть, как это змеям удаётся прогрызать толстую резину отечественного производства. К вечеру он был в камбоджийской деревне, где местные жители как раз устроили дискотеку. И что бы вы думали?! Танцующие щеголяли в российских резиновых сапогах, которые берегли исключительно для таких праздничных случаев, а на работу ходили по старинке... Видимо, красота действительно требует жертв. Интересно, камбоджийский резиновый шик по-прежнему в тренде?

Сергей Казанцев, скульптор

Мне очень понравилась шутка, которую я прочитал однажды в журнале Forbes: если хочешь рассмешить Господа, расскажи ему о своих планах. Жизненно, правда? Ведь масса людей считает, что они в состоянии что-то предопределить. Это анекдот про человеческую самоуверенность. ●

Спасибо нашим героям номера за прекрасное чувство юмора! Но лично я, дорогой читатель, хоть и люблю меткое словцо, всё же предпочитаю невыдуманные истории. Жизнь всегда удивительней, страшнее и смешнее любой безумной фантазии. Например, вчера краем уха услышала в МФЦ, как какой-то дяденька просил выдать справку о том, что, кроме квартиры, другой собственности за ним не числится — видите ли, надоело платить исправно приходящий налог за несуществующую землю. Это как у Винни-Пуха: вроде бы есть, а вроде и нет. А у одной моей подруги дома растёт безымянный куст в горшке, да не просто растёт, а покушается на всё пространство небольшой комнаты. Чтобы как-то приструнить зелёного монстра, подруга выставляет условный фикус для профилактики на балкон, но тот начинает распускать свои широкие лапы пуще прежнего, ещё раз напоминая нам, простым смертным, не знающим радости фотосинтеза: жизнь — штука, которая происходит не благодаря, а вопреки. Вот и тебе, дорогой читатель, желаю улыбаться всеми тридцатью двумя (или у кого сколько есть) от левого уха до уха правого, без повода и последствий, вопреки всем жизненных невзгодам и апрельским снегопадам.